

10. Schmidt D. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. – Pokrowsk-Moskau-Charkow, 1930.
11. Stumpp K. Verzeichnis der deutschen Siedlungen im Wolgagebiet// Heimatbuch der Ostumsiedler. – Stuttgart, 1955.
12. Stumpp K. Verzeichnis der deutschen Siedlungen im Gebiet Odessa// Heimatbuch der Deutschen aus Russland (HB). – Stuttgart, 1956.
13. Stumpp K. Verzeichnis der deutschen Siedlungen im Gebiet Saporoshje//HB. – Stuttgart, 1957.
14. Stumpp K. Das Deutschtum in Russland nach der Volkszählung von 1926//HB. – Stuttgart, 1957. – S. 103-116.
15. Stumpp K. Verzeichnis der deutschen Siedlungen im Gebiet Dnjepropetrowsk//HB. – Stuttgart, 1958.
16. Stumpp K. Verzeichnis der deutschen Siedlungen im Gebiet Nikolajew//HB. – Stuttgart, 1958.
17. Stumpp K. Verzeichnis der deutschen Siedlungen im Gebiet Rostow//HB. – Stuttgart, 1959.
18. Stumpp K. Verzeichnis der deutschen Siedlungen im Gebiet Woroschilowgrad, in: HB. – Stuttgart, 1959.
19. Stumpp K. Verzeichnis der deutschen Siedlungen im Gebiet Stalino//HB. – Stuttgart, 1959.
20. Stumpp K. Verzeichnis der deutschen Siedlungen im Gebiet Charkow//HB. – Stuttgart, 1959.
21. Stumpp K. Verzeichnis der deutschen Siedlungen im Nordkaukasus//HB. – Stuttgart, 1961.
22. Stumpp K. Verzeichnis der deutschen Siedlungen im Südkaukasus//HB. – Stuttgart, 1961.
23. Stumpp K. Die deutschen Siedlungen in den Gouvernment Petersburg (Leningrad) und Nowgorod//HB. – Stuttgart, 1962.
24. Stumpp K. Verzeichnis der deutschen Siedlungen in Ukrainisch-Wolhynien//HB. – Stuttgart, 1962.
25. Stumpp K. Die deutschen Siedlungen im Raum Alt-Samara, Neu-Samara, Ufa/Dawlekanowo, Orenburg, Aktjubinsk und Arkadak//HB. – Stuttgart, 1964.
26. Stumpp K. Verzeichnis der deutschen Siedlungen in Nord-(Sibirien) und Mittelasien//HB. – Stuttgart, 1964.
27. Stumpp K., Eisenbraun Th. Verzeichnis der deutschen Siedlungen auf der Halbinsel Krim//HB. – Stuttgart, 1960.

Поступила в редакцию 06.07.2005 г.

УДК 81'373.612.2

Яценко Т.А.

ОБРАЗНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА ЦЕЛЬ

В статье реализуется лингвоконцептологический подход к анализу культурного концепта Цель. Анализ материала показал, что для образного представления концепта типичными являются метафоры и фразеологические выражения, объединенные в семантические поля.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, культурный концепт, когнитивная метафора, образное представление, семантическое поле

У статті реалізовано лінгвоконцептологічний підхід до аналізу концепту Мета. Дослідження мовного матеріалу довело, що для образного уявлення концепту типовими є метафори та фразеологічні вирази, що об'єднуються у семантичні поля.

Ключові слова: когнітивна лінгвістика, культурний концепт, когнітивна метафора, семантичне поле

The article is devoted to the cognitive analysis of the cultural concept The Point. The research of the language material had showed, that the metaphors and idiomatic expressions are organized to the semantic fields.

Key words: cognitive linguistics, cultural concept The Point, cognitive metaphors, semantic fields

Обращение к образной составляющей концепта Цель связано с реализацией лингвоконцептологического подхода к изучению Каузации как релятивной, когнитивно ориентированной категории. Новый подход к изучению Цели соотносится со сменой парадигм в современном отечественном и зарубежном языкознании, чем определяется **актуальность исследования**.

Смена парадигм в языкознании в конце XX – начале XXI века обусловлена переходом от позитивного знания к глубинному и, соответственно, к *целостному* постижению языка, представлению языка как духовной реальности. Целостное постижение языковой реализации Цели невозможно без обращения к культурной составляющей концепта, неразрывно связанной с его образным представлением. Несмотря на ряд глубоких работ в данной области (Дж. Лакофф, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, Т.В. Радзиевская и др.), именно это направление в анализе культурного концепта Цель требует расширения лингво-методологической базы исследования.

В опубликованных ранее моих работах представлено логико-философское понимание Цели как одного из аспектов Каузации [15], ценностная составляющая концепта Цель [17;18] и намечен путь анализа образного представления концепта на основе этимологии концепта [14].

Новизна данной работы заключается в широком понимании образного представления концепта Цель и в обосновании его системного характера.

Цель статьи: выявить систему образных средств, характерных для выражения культурного концепта Цель. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**: а) определить лингво-методологические основы анализа; б) на материалах русских текстов различных жанров выявить типы языковых единиц, характерных для образного представления концепта Цель; в) показать принцип системной организации данных единиц.

Материалом исследования являются разнообразные лексикографические источники и оригинальные русские фольклорные и художественные тексты, а также тексты философских сочинений Г. Сковороды. Совокупность исследованных дискурсов не представляет собой гомогенной системы, это скорее гетерогенная совокупность, обращение к которой обусловлено ее культураносностью.

Формат данной статьи не позволяет подробно останавливаться на трактовке культурных концептов в современной лингвистике. Сошлемся лишь на обзор основных направлений осмысления культурно-языкового феномена «концепт» в работах Н.В. Слухай и С.Г. Воркачева [12;4].

В нашем исследовании реализуется сигнификативный подход к анализу концепта, предусматривающий осмысление анализируемого феномена Цель через анализ сигнификативного поля. Само понятийное содержание концепта обуславливает правомерность сочетания двух вариантов сигнификативного подхода: 1) лингво-энциклопедического; 2) лингво-мифопоэтического.

В рамках первого из названных подходов феномен анализируется в единстве составляющих его энциклопедических и лингвистических компонентов; по отношению к концепту Цель данный вариант реализуется в органическом единстве логико-философского, этического осмысления Цели и ее языковой реализации на лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях. В рамках второго подхода феномен Цель анализируется в единстве профанных, мифопоэтических и христианских смыслов, что необходимо для выявления его этнокультурной специфики. В силу того что мы считаем необходимым разграничивать мифологию и христианство, думается, что данный подход уместней именовать трансцендентальным.

Образная составляющая концепта выявляется на уровне высказывания, что обуславливается методологическими принципами исследования. Рамки статьи позволяют остановиться на понимании высказывания только в самом общем виде (подробное представление трактовки высказывания как единицы речи в генологической концепции М.М. Бахтина, трудах В.Н. Волошинова и в современной лингвистической генологии дается в работе Ф. Бацевича [3]). Понимание высказывания М.М. Бахтиным в определенной степени соотносится с понятием *parole* в концепции Ф. де Соссюра. По М.М. Бахтину, пределы конкретного высказывания определяются сменой субъектов речи в процессе общения. Диапазон объема высказывания чрезвычайно широк: от короткой реплики бытового диалога до романа и научного трактата. Главные критерии выделения высказывания: наличие абсолютного начала и абсолютного конца, а также его специфическая завершенность [2, с.263, с.268-269]. Высказывание характеризуется диалогизмом в самом широком понимании: «высказывание наполнено диалогическими обертонами, без учета которых нельзя до конца понять стиль высказывания. Ведь и сама наша мысль – и философская, и научная, и художественная – рождается и формируется в процессе взаимодействия и борьбы с чужими мыслями, и это не может не найти своего отражения в формах словесного выражения нашей мысли» [2, с.287].

Проведенный мной анализ реализации концепта Цель в текстах классической русской литературы (М.Лермонтов «Герой нашего времени», И.Гончаров «Обломов», Ф.Достоевский «Преступление и наказание», М. Цветаева «Мемуарная проза» и др.) убедительно показал, что для языкового выражения ценностной (и отчасти образной) составляющей Цели принцип диалогизма является чрезвычайно важным [16].

В современной лингвистике высказывание понимается как линейный отрезок речи, выполняющий коммуникативную функцию в данной речевой обстановке [9, с.406], предложение, активизированное в речи, с конкретной темо-рематической структурой, единица модуса речи [3, с.228].

Известное положение М. Джонсона и Дж. Лакоффа о возможности базирования абстрактных концептов на доконцептуальном телесном опыте имеет самое непосредственное отношение к представлению абстрактного концепта Цель. Тот факт, что областью-источником для Цели является Движение, а желаемое состояние отображается на Пункт Назначения, объясняется тем, что эта метафора мотивируется структурной корреляцией, присутствующей в повседневном опыте человека с того момента, как он научился ползать. Появившаяся *цель* – оказаться в данном *месте* – достигается посредством перемещения тела из исходного пункта А через последовательные промежуточные положения в конечный пункт В, пункт назначения, совпадающий с Целью [7, с.353-362].

«Схемы, структурирующие наш телесный опыт *доконцептуально*, имеют базовую логику. *Доконцептуальные* структурные корреляции в опыте мотивируют метафоры, которые отображают эту логику на абстрактные области» [7, с.362].

Источником человеческой способности к абстрактному мышлению, к формированию абстрактных областей, в число которых входит и Цель, является способность к концептуализации. Одной из основных составляющих этой способности представляется «способность метафорической проекции структур материальной области на структуры абстрактных областей, обусловленная структурными корреляциями между физическими и абстрактными областями» [7, с.365].

К распространенным типам идеальных когнитивных моделей (ИКМ) относится «сценарий», основа которого состоит из следующих онтологических элементов: начальное состояние, последовательность событий и конечное состояние. Онтология сценария включает также людей, вещи, признаки, пропозиции и отношения, среди которых существенную роль играют именно каузальные отношения. Цели людей в

сценарии специфицируются целевой структурой, которая представляется метафорически посредством схемы Источник-Путь-Цель [7, с. 370-372].

Итак, образная составляющая Цели в лингвокогнитологии и лингвоконцептологии регулярно связывается с метафорой пути, представляющейся, очевидно, универсальной для языков и культур разных типов. Подтверждением этого может служить образ Пути, ассоциируемый со средством достижения цели, характерный для мифологии и фольклора разных народов.

Вспомним, что у разных народов афористика с общим значением «Цель, намерение, стремление, побуждение» строится на образной основе Пути: *Чтобы дойти до цели, надо прежде всего идти* (Бальзак); *Быть на расстоянии какого-нибудь шага от цели или же совсем не приблизиться к ней – это, в сущности, одно и то же* (Лессинг); *Единственной преградой осуществлению наших планов на завтра могут быть наши сегодняшние сомнения* (Франклин Рузвельт); *О том поразмысли, что ждет впереди; Цель выбрав благую, к ней прямо иди* (Фирдоуси).

Что же касается непосредственно русского языка и русской культуры, то здесь, как убедительно было показано Н.Д.Арутюновой, «образ пути является на русской почве основным источником «языка цели» [1, с.390].

Именно образом пути определяется основной ассоциативный ряд, через который идет осмысление ситуаций целенаправленных действий: *идти* к цели, движение к цели может быть *медленным* и *быстрым* (*стремительным*), *трудным* и *легким*. На пути к цели встречаются *препятствия*, которые надо *устранить* или *преодолеть*. Чтобы достичь цели, рекомендуется не оглядываться, не спотыкаться, не отступать и не сворачивать с выбранного пути [1, с.390-391].

Заметим, что образное представление не сводится только к метафоре. Образное представление понимается как стереотипный для определенной национальной культуры образ, который воплощает представления о мире идеальном через впечатления о мире реальном (Е.А. Шенделева, В.Н. Телия, Л.В. Чернейко и др.).

Путь понимается, кстати, не только в пространственном, но и во временном измерении, что подтверждается соотносительностью семантического поля Конца и Цели (подробный анализ семантики конца представлен в: [8]).

Соотнесенность Цели с Концом весьма выразительно прослеживается на материале фольклорных текстов. Замечу, что в сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даля Цель не выделяется в особый раздел (в отличие от Причины). Но целевая семантика представлена в разделе «Начало – конец» [5, с.495-500]. Здесь можно выделить несколько основных значений:

- доведение дела до конца (то есть достижение цели) сложнее и ответственнее, чем начало: *Начать не то, что кончить; Не смотри начала, смотри конца; Не дорого начало, а похвален конец; начать – не кончать;*

- завершение дела (то есть достижение цели) позволяет увидеть его значимость: *Конец делу венец; Конец дело венчает (красит); Всякое дело с концом хорошо, ср.: Дело без конца, что кобыла без хвоста;*

- следует говорить о каком-либо деле только после его завершения; это значение реализуется преимущественно в двух образных сценариях:

а) окончание пути как достижение цели: *Иду – не иду, пошел – не иду, а пришел, так иду; Не хвались отъездом, хвались приездом!; Не верь выезду, верь приезду!;* б) о том, как прошел день, можно судить только вечером, то есть в конце дня: *Не видав вечера, и хвалиться нечего; Красному утру не верь! Хвались вечером, днем не сеченый.*

Исследованный мною материал показал, что лексические единицы, выражающие образные представление о Цели, организуются в семантические поля с центром (ядром) и периферией, при этом элементы поля связаны парадигматическими отношениями (синонимическими и антонимическими).

Так, например, образное представление о Цели как благополучном завершении Пути представлено ядерной метафорой *пристаннице*, синонимически связанной с метафорами: *берег, пристань, пристанок, гавань, прибежище, приют*; образными словами с метафорической внутренней формой (*приставать*²) и фразеологическими выражениями (*быть у пристани, последнее пристанище*).

Как видим, часть этих метафор строится на сценарии путешествия по водному пространству, которое для русского языкового сознания ассоциируется с опасностью (*Дальше моря – дальше горя; Кто на море не бывал, тот горя не видал*).

Обратимся к деривационной и семантической связи между словами *пристаннице* и *пристань*. В словаре В.И. Даля они включены в общую статью «Приставать. Пристать» [6, с. 444-445].

Среди множества значений обратим внимание на явление энантиосемии: 1) «не давать покою»: неотступно преследовать, безотвязно просить, докучать, надоедать просьбой или навязываться услугами; придирается, не давать покоя: *Что пристаешь ко мне, отстань, отвяжись!;* 2) стать, остановиться (о судах) привалить, привернуть; *причалить*, стать на причал, привязать судно. Отсюда – *пристань*.

Но «пристать» (о лошадях и упряжном скоте) «притомиться, выбиться из сил, умориться и стать, не смочь везти далее». Отсюда «присталь» – конь или иная вожовая, выючная, верховая скотина, приставшая

от изнеможенья: *По пути отпрягли и покинули присталь*. См. также присталь (о человеке) «усталь, изнеможение, утрата всех сил за работой».

За этим значением следуют имена «*Присталь, пристань* ж., *пристанище, присталище* ср., *пристанок* стар. Где можно пристать и успокоиться; приют; (при)бежище, притон, приклон, кров, скривище, спокоище. *Жить – колотиться, помереть – дойти до пристанища. Последнее пристанище, смерть*».

В таком понимании в слове пристань выделяется целевая сема: `то, к чему стремятся, чтобы найти покой`. Это значение подтверждается и выделенным «звездочкой» выражением *Быть у пристани, достигнуть цели, желаний. С этим же значением связано и проклятие: пожелание не иметь места для покоя. «*Да не будет ему [кн. Мстиславу] пристанка во всех землях, в русских и в угорских*. Летопись». См. также *Чтобы тебе на том свете без пристани приставать*».

Любопытно отметить, что употребление слова «пристань» в абстрактном, целевом значении предшествует употреблению в конкретном значении «*Пристань*, место, улаженное для приставанья судов».

В творчестве А.С. Пушкина «Пристань» в переносном смысле употребляется как «символ прибежища, пристанища, в котором можно укрыться от жизненных невзгод, найти успокоение, отдохнуть».

Бурной жизнью утомленный, Равнодушно бури жду. Может быть еще спасенный, Снова пристань я найду... Предчувствие «Снова тучи надо мною...» 1828) [11, с.812].

Особого внимания заслуживают образы *гавани, пристани, берега* как цели духовного движения в трудах великого украинского философа Г. Сковороды, который полагает, что высшим счастьем человека (а тем самым и его целью) есть объединение с Богом на вечной основе любви: «Бог, любовь и соединение все то одно» [10, т.I, с.204]. Обретение Божьей воли он сравнивает с обретением гавани во время беспокойного плаванья по волнуемому житейскому морю: *обрѣтшій средѣ моря своєю воли Божію волю – обрѣтѣ кифу, сирѣчь гавань оную*» [10, т.I, с. 88].

В текстах этого автора дефиниции *пристань, гавань и берег*, характерные для водного ареала и используемые для называния Библии, также ассоциируются с достижением цели.

Гавань сближается с *центром*, а тем самым с Богом как символом спасения человека. Образ «житейского моря» получает развитие в выражении «мисленья бури»: «*Самое же внутреннѣйшее внутри нашей мисленныя бури и самый центр и гавань і мір есть наш то, о пресладчайшее имя Христос – Бог наш*» [10, т. I, с. 399]. Библия именуется *гаванью*, в отличие от светской книги – бедного и голодного берега [13, С.48]. Но в то же время *берег* входит и в именование Библии. «Библия именуется также *берегом, пристанью, гаванью*. Эти дефиниции принадлежат также Господу, что подчеркивает их внутреннее равенство» [13, с. 195].

Образ *гавани* как цели духовного движения используется Г. Сковородой и при отсутствии метафорического образа «житейского моря». Так, сравнивая Библию с *колесницей* нового человека, то есть Бога, философ говорит, что она довозит человека туда, куда привела волхвов Вифлеемская звезда. «*Протчіе на сей колесницѣ не сыскали ничего, кромѣ физического блати и своєю плоти (...)* Мы же (...) *добрались с Израилем до гавани, до твердой гавани южня стороны*» [10, т.I, с.49]. «Колесница» здесь выступает как своеобразная метафора «средства достижения цели».

У Г. Сковороды отмечается также образ *плаванья в гавани* как пребывания с Господом: *Плавает в гавани тот, чья жизнь лишена суеты, Кто далек от забот и честолюбия*» [10, т. II, с.225].

Гаванью именуется и ремесло, дающее счастливую жизнь простому ремесленнику (в противопоставлении жизни кораблекрушению богача) [13, с.285].

Со сценарием Пути связана и парадигма метафор с общим значением `свет`: *свет, огни/огоньки, маяк, звезда, путеводная звезда, звездный свет, луч* и т.д. Эти метафоры, соотносимые с симболярием мировой и русской культуры (см., например, евангельский образ путеводной (Вифлеемской) звезды), активно используются не только в классических, но и в современных текстах разных жанров, включая и тексты популярных песен: *Звезда моя далекая* (название альбома Д. Маликова, 1998 г.); *Манит меня издалека тот звездный свет! Но звезду достать нелегко, хоть цель близка!* (песня «Звезда» из альбома «Звезда» Витаса, 2002 г.).

Очевидно, что источником «звездных метафор» в текстах такого типа являются прецедентные тексты классических русских романсов (*Гори, гори, моя звезда...*), но этот факт является предметом отдельного исследования.

Выводы:

— при осуществлении сигнификативного подхода к анализу концепта наиболее целесообразным представляется его выявление на уровне высказывания;

— для образного представления концепта Цель наиболее характерны метафоры, образные слова с метафорической внутренней формой и фразеологические выражения;

— для лексических единиц, выражающих образные представления о Цели, типична организация по принципу семантического поля.

Источники и литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык цели / Н.Д.Арутюнова // Логический анализ языка: избранное, 1988-1995. – М., 2003. – С.386-396.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
3. Бачевич Ф. Лінгвістична генологія : проблеми і перспективи. – Львів : ПАІС, 2005.– 264 с.
4. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа – М.: Гослитиздат, 1957. – 991 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – Т. 3. – М.: Рус. яз., 1980. – 555 с.
7. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
8. Логический анализ языка. Семантика начала и конца / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2002. – 648 с.
9. Русская грамматика / под ред. Н.Ю.Шведовой и В.В.Лопатина. – 2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – 639 с.
10. Сковорода Г.С. Сочинения: В 2 томах / Г.С.Сковорода. – М.: Мысль, 1973. – Т.1-2.
11. Словарь языка Пушкина: В 4 т. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова; отв. ред. В.В.Виноградов. – 2-е изд., доп. – Т.3 : О-Р. – М.: Азбуковник, 2000. – 1296 с.
12. Слухай Н.В. Основные направления осмысления культурно-языкового феномена «Концепт» в современной русистике // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003г. Пленарные заседания: сборник докладов. В.2-х т. Т. 1. – СПб: Политехника, 2003. – С. 290-298.
13. Софронова Л.А. Три мира Григория Сковороды / Л.А.Софронова. – М.: Индрик, 2002. – 463 с.
14. Яценко Т.А. Внутренняя форма слова-именования культурного концепта 'Цель' // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2005. – Т. 18 (57). – № 1. – С. 79-83.
15. Яценко Т.А. Каузация: лингвистический и логико-философский аспекты исследования (в печати).
16. Яценко Т.А. Концепт 'Цель' в аспекте диалогичности романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Веснік Віцебскаго дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава: Навуковы часопіс. – № 2 (36). – Віцебск, 2005. – С. 81-84.
17. Яценко Т.А. Концептуальное представление 'Причины' и 'Цели' в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля // Вісник Черкаського університету. Серія "Філологічні науки". – Черкаси, 2003. – Вип. 46. – С. 55-62.
18. Яценко Т. А. Пересечение культурного концепта «Цель» с другими культурными концептами (на материале романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2004. – Т.17 (56). – № 1. – С. 127-14.

Поступила в редакцию 07.07.2005 г.